

Из дальнейшей переписки можно заключить, что в намерения самого Пушкина не входило никакое теоретическое объяснение и обоснование своей пьесы, однако он вполне допускал подобное предисловие. Только автором его должен был стать сам Плетнев. В письме к Плетневу из Болдина от 9 сентября 1830 года Пушкин пишет: «Что моя трагедия? я написал маленькое элегическое предисловие, не прислать ли тебе его? Вспомни, однако ж, что ты обещал мне свое: дельное, длинное» (XIV, 113). «Маленькое элегическое предисловие», написанное Пушкиным, до нас не дошло, и усилия разных исследователей примерить к этому определению тот или иной из семи рассмотренных выше набросков следует признать бесперспективными. Как нам представляется, оно было связано с посвящением трагедии Жуковскому, от чего Пушкин в последний момент отказался. Около 29 октября он писал Плетневу из Болдина: «Я хотел ее посвятить Жуковскому со следующими словами: я хотел было посвятить мою трагедию Карамзину, но так как нет уже его, то посвящаю ее Жуковскому. Дочери Карамзина сказали мне, чтоб я посвятил любимый труд памяти отца. Итак, если еще можно, то напечатай на заглавном листе

Драгоценной для Россиян
памяти
Николая Михайловича
Карамзина...»
и т. д. (XIV, 118)

Е. О. Ларионова

«ЧТО-ТО СЛЫШИТСЯ РОДНОЕ...» О пушкинских стилизациях народных песен

В 1831 году А. С. Пушкин с С. А. Соболевским задумывали издать собрание русских народных песен. Спустя четыре года, передавая П. В. Киреевскому свои записи, Пушкин предупредил: «Там есть одна моя, угадайте!»¹ Из этих песен — с примечанием: «Нельзя ручаться, чтоб эта песенка не была составлена самим Пушкиным», — П. В. Анненковым была напечатана такая:

¹ Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851–1860 годах / Вступ. ст. и примеч. М. А. Цявловского. [Л.], 1925. С. 53.

Уродился я несчастлив, бесталанлив:
 Приневомили меня, малёшенька женили;
 Молода была жена, я глупенек,
 Стал я молодцем — жена стала старенька.
 Полюбилась мне молодка молодая,
 Иссушила мое сердце ретивое.
 Как вечер меня молодка огорчила,
 Мне несносную насмешку насмеяла:
 — Отступиися, мне сказала, отвяжися,
 У тебя своя жена, с ней и целуйся! —
 Во бору ли, во сыром ли стук, треск:
 Бурлачки сосну подрубливают,
 Подрубливают, поваливают;
 Из сыра бора по дугу волокут,
 По крутому бережку покатывают,
 Середь лодочки устанавливают,
 Тонкий парус навешивают,
 Уплывают вниз по Волге по реке.
 Вы постойте, добры молодцы, погодите,
 Вы с собой меня возьмите, посадите,
 Разлучите с опостылой со женою.²

В подтверждение авторства Пушкина можно добавить следующие соображения:

— зачин песни не только перекликается с таковым в одной из «Песен западных славян» («Соловей»), — но и с характерным бытовым обычаем, отраженным в «Истории села Горюхина»: «Мужчины женивались обыкновенно на 13-м году на девицах 20-летних. Жены били своих мужей в течении 4 или 5 лет. После чего мужья уже начинали бить жен; и таким образом оба пола имели свое время власти, и равновесие было соблюдено» (VIII, 136). О крестьянском обычае ранних браков упоминала и няня Татьяна: «Мой Ваня / Моложе был меня, мой свет, / А было мне тринадцать лет» (VI, 59).

² Пушкин А. С. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1857. Т. 7. С. 97. Н. О. Лернер считал эту песню подлинно пушкинской, с чем согласился Б. В. Томашевский и В. И. Чернышев. Но это вызвало возражение у М. Н. Сперанского, чью точку зрения принял М. А. Цявловский (см.: Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. 2-е изд. / Отв. ред. Я. А. Левкович, С. А. Фомичев. М., 1997. С. 408). Между тем возражения Сперанского, кратко сформулированные в примечании к его статье, никак нельзя признать основательными (см.: Сперанский М. Н. К вопросу о песнях, записанных Пушкиным // Пушкин и его современники. Л., 1930. Вып. 38–39. С. 97–98).

— в концовке же данной песни воссоздана контрастная — по сравнению с народной песней «Ах ты молодость, молодость...» — картина, где муж почему-то отправлял на сооруженном корабле жену любимую, что определяло несколько странную концовку:

...А уж корабль бежит, как сокол летит,
А жена то сидит, точно барыня.
Уж я вскрикну ли громким голосом:
«Воротись, жена, моя барыня,
А мы будем жить лучше прежнего,
А я буду любить лучше старого!»
— Не обманывай ты, распостылый муж!
Что не греть солнцу зимой против летнего,
Не светить месяцу летом против зимнего,
Не любить тебе меня пуше прежнего!³

* * *

Одним из ранних подражаний народной песне у Пушкина стало стихотворение:

В твою светлицу, друг мой нежный,
Я прихожу в последний раз.
Любви счастливой, безмятежной
Делю с тобой последний час.
Вперед одна в надежде томной
Не жди меня средь ночи темной,
До первых утренних лучей
Не жги свечей...

В таком виде стихотворение напечатано В. Е. Якушкиным⁴ и в Большом академическом Полном собрании сочинений Пушкина (см.: II, 230), где совмещены беловой автограф первого четверостишия (ПД 830, л. 49 об.) и окончательный текст второго четверостишия из чернового автографа (ПД 831, л. 42 об.). В новом академическом издании в основном корпусе напечатано лишь первое четверостишие (АПСС. Т. 2. Кн. 2. С. 147), а редакционная сводка (не вполне точная)⁵ чернового автографа

³ Рукою Пушкина. С. 398.

⁴ См.: Якушкин В. Е. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцовском музее в Москве // Русская старина. 1884. № 4. С. 99.

⁵ Третья строка здесь напечатана «Утех отрады безмятежной», в противовес окончательной правке: «Любви отрады безмятежной».

помещена в составе вариантов (Там же. С. 448). Казалось бы, такое решение вполне корректно. Но полный текст стихотворения все же теряется в корпусе черновиков, а между тем Н. О. Лернер справедливо считал:

Стихотворение не закончено поэтом, но и в неотделанном наброске оно поражает художественной цельностью, гениальной простотой, теплотой и нежностью. По-видимому, в нем говорится о разлуке, предстоящей влюбленным, и чувство щемящей тоски превосходно выражено тем, что последний стих жалобно обрывает пьесу, — словно внезапно порвалась струна...⁶

Топос зажженной свечи — знак ожидания девицей своего любимого. Как в народной песне, так и в литературных обработках ее темы чаще всего воссоздавалась ситуация разрыва любовных отношений — по вине «добра молодца». Наиболее полный свод подобных источников, которые могли быть известны, дан А. С. Лобановой.⁷ Следует предложить некоторые уточнения в комментарий пушкинского стихотворения.

Автограф его в Первой кишиневской тетради (ПД 831) твердо датируется началом июня 1821 года и украшен мужским и двумя женскими портретами, в которых можно по сходству с атрибутированными портретами в той же тетради⁸ угадать Н. С. Алексева и М. Е. Эйхфельдт.

В. В. Вересаев писал:

Н. С. Алексеев был в связи с хорошенькой молдаванкой Марией Егоровной Эйхфельдт, рожденной Мило, прозванной за восточный тип лица «еврейкою». Муж ее был чиновник горного ведомства, сухой и ученый немец, флегматик, равнодушный ко всему и к самой жене своей и неравнодушный только к пуншу; он любил засесть с знакомым за столик с поставленным чайником и бутылкой рома. Алексеев крепко любил г-жу Эйхфельдт; чтобы не разлучаться с нею, он отвергал выгодные места в Одессе, лишь бы оставаться в Кишиневе. Пушкина он из ревности боялся познакомить со своею возлюбленной. По этому поводу

⁶ Лернер Н. О. Примечания к стихотворениям 1821 года // Пушкин А. С. [Полн. собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова, СПб., 1908. Т. 2. С. 584–585. Далее Лернер указал на сходство пушкинского наброска со стихотворением Н. Г. Цыганова, автора русских песен, которые «еще живут в народе».

⁷ См.: Лобанова А. С. Об источнике и замысле одного пушкинского фрагмента // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1993. Вып. 25. С. 114–121.

⁸ См.: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 73–74, 375–376. № 104–106, 856–858.

написано послание к нему Пушкина: «Мой милый, как несправедливы твои ревнивые мечты». В послании этом двадцатидвухлетний Пушкин уверяет друга, что для него, Пушкина, ленивого и равнодушного уже «прошел веселый жизни праздник», что он «позабыл любви призывы» и что над ним уже не властен томный взор и приветный лепет красавиц молодых. Пушкину, однако, удалось познакомиться с г-жою Эйхфельдт, и ревнивому Алексееву пришлось переживать неприятные минуты. Впоследствии он напоминал Пушкину их «дружеское соперничество и незлобное предательство» и писал: «...несмотря на названия “лукавого соперника” и “черного друга”, я могу сказать, что мы были друзья-соперники и жили приятно!»⁹

Можно предположить, что поводом для создания стихотворения «В твою светлицу, друг мой нежный...» послужило решение властей о переводе (с повышением) Н. С. Алексеева на службу в Одессу, им, однако, отвергнутое, к неудовольствию Пушкина, также увлеченного очаровательной Марией.

Образцом для Пушкина послужила народная песня:

Дорогая моя хорошая
Ты душа ль моя красна девица,
Моя прежняя полюбовница,
Не сиди, мой свет, долго вечера,
И не жги свечи воску ярова,
Ты не жди меня до бела света;
Я задумал, мой свет, жениться,
Я приехал к тебе проститься;
За любовь твою поклонится.¹⁰

Едва ли справедливо мнение, что стихотворение не было окончено. Пушкин попросту не считал нужным указывать причину разлуки влюбленных. Показательно, что в обработке того же сюжета в русской песне М. И. Глинки также «последний стих жалобно обрывает пьесу, — словно внезапно порвалась струна»:

Ах ты, душечка, красна девица,
Не сиди ты в ночь под окошечком,
Ты не жги свечи воску ярого,
Ты не жди к себе друга милого,
Ты не жди.¹¹

⁹ Вересаев В. В. Спутники Пушкина. М., 1993. Т. 1. С. 257.

¹⁰ Собрание разных песен М. Д. Чулкова. М., 1770. Ч. 1. С. 167–168. № 157.

¹¹ Глинка М. И. Полн. собр. романсов и песен. Л., 1955. С. 332.

* * *

В третью главу «Евгения Онегина» была включена шаловливая «Песня девушек», нарушая — в большей степени, нежели «Письмо Татьяны», — строгую строфическую структуру произведения. Песня иронически предварена описанием барского наказания и явно не соответствует переживаниям героини перед ее встречей с возлюбленным.¹²

В саду служанки, на грядках,
Сбирали ягоды в кустах
И хором по наказу пели
(Наказ, основанный на том,
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели,
И пеньем были заняты:
Затея сельской остроты!)

Песня девушек

Девицы, красавицы
Душеньки, подруженьки,
Разыграйтесь, девицы,
Разгуляйтесь, милье!
Затяните песенку,
Песенку заветную,
Заманите молодца
К хороводу нашему,
Как заманим молодца,
Как завидим издали,
Разбежимся, милье,
Забросаем вишеньем,
Вишеньем, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Песенки заветные,
Не ходи подсматривать
Игры наши девичьи.

(VI, 71–72)

Можно увидеть противоречие в самом сюжете песенки, которая поется для того, чтобы заманить добра молодца, а заканчивается его шутивным наказанием — забрасыванием ягодами, сохранность которых была предусмотрена барским приказом.

¹² Поэтому Пушкин намечал было заменить эту песню грустной «Вышла Дуня на дорогу...».

Отмечено: «Если принять во внимание также то, что “Песня...” напоминает хороводную, а такие песни отличаются драматическим элементом (пение сопровождается показом, действием), что сближает песню с игрой, то получается, что девушки изображают своеобразный ритуал обольщения, приворота и одновременно признания в любви <...>. Можно сказать, что “Песня девушек” дает Татьяне образец любовного поведения, отличный от знакомого ей: няни и ее матушки. И совсем не схожий с поведением самой Татьяны. В этот момент юная героиня не внемлет уроку».¹³

Можно вспомнить, что в южные поэмы также включались песни, усугубляя их местный, инонациональный колорит. Простонародная же «Песня девушек» контрастно оттеняет обычаи «полупросвещенных европейцев». Показательна в этом отношении строфа XXXV второй главы романа. В современных изданиях она публикуется по беловому автографу полностью:

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день Троицын, когда народ
Зевая слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три;
Им квас как воздух был потребен,
И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам.

(VI, 47)

В прижизненных же изданиях романа эта строфа выглядела иначе:

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на маслянице жирной
Водились русские блины.

.....

¹³ Вольская Е. Я. Песня девушек // Онегинская энциклопедия: В 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 270–271. См. также: Альми И. Л. О приеме песенных вставок в романтических поэмах и в «Евгении Онегине» // Болдинские чтения. Нижний Новгород, 1993. С. 86–97.

.....
.....
.....
.....
.....
.....

Им квас, как воздух был потребен,
И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам.¹⁴

Цензура могла бы насторожить лишь строка «Зевая слушает молебен», но Пушкин не случайно предпочел выкинуть половину строфы.

Мастерская стилизация Пушкина не прижилась в фольклоре — возможно, потому что была напечатана в контексте большого произведения.

С. А. Фомичев

¹⁴ Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах. СПб., 1833. С. 62.